



Фото: «РосУзник»

09.10.2013, 18:05 Москва

СТАТЬИ

Первый не пошедший на сделку

8 октября был вынесен приговор первому обвиняемому по «Болотному делу», который не заключал сделку со следствием. Ранее в особом порядке было рассмотрено дело **Максима Лузянина**, который признал свою вину в полном объеме (он в итоге был приговорен к четырем с половиной годам колонии общего режима за участие в массовых беспорядках и применение насилия к представителю власти), и **Константина Лебедева**, который дал показания на других обвиняемых в организации массовых беспорядков (за которую он получил два с половиной года лишения свободы). Нынешнее дело, дело Михаила Косенко, тоже рассматривалось в особом порядке, но по совершенно другой причине.

Косенко — инвалид II группы, состоял на учете в психоневрологическом диспансере, в 2001 году ему по следам травмы головы, полученной во время службы в армии, был поставлен диагноз «шизофрения

вялотекущая, неврозоподобная, с выраженными изменениями личности в эмоционально-волевой сфере». Сейчас официальное название этого диагноза — шизотипическое расстройство; шизофренией эта болезнь, в сущности, не является, поскольку не включает в себя все необходимые симптомы для диагноза «шизофрения».

Известно, что Косенко не смог продолжать обучение после школы, с трудом вступал в контакт с людьми, не мог долго заниматься каким-либо одним делом. Поработав на кустарной переплавке свинца, стал с повышенной осторожностью относиться к окружающему миру: ему казалось, что все заражено свинцом, и даже после лечения в 2001 году он продолжал, например, братья за ручки дверей через салфетку или считать, что за ним следят через телефонную розетку. Тем не менее лечение (терапия с использованием легких препаратов), судя по всему, дало плоды — он стал, как говорят психиатры, «упорядоченным», однако сохранились и пассивность, и нежелание общаться с людьми. Обострений болезни с 2001 года не было.

По заказу следствия специалисты из Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии имени Сербского составили заключение о психическом состоянии Косенко. Согласно заключению психиатров Софьи Осколковой, Инны Ушаковой и Марины Цветаевой, Косенко 6 мая и позднее находился в невменяемом состоянии. При этом согласно составленному ими документу у Косенко не вялотекущая неврозоподобная, а параноидная шизофрения, каковой диагноз специалисты государственного центра поставили, пообщавшись с ним всего час. Как **отмечает** президент Независимой психиатрической ассоциации России Юрий Савенко, выступавший на суде по делу Косенко с резкой критикой экспертного заключения, если анамнез был изложен внятно, то в том, что касается «исследования психического состояния подэкспертного и квалификации... этих данных»,

«ни о какой полноте и объективности... речь не идет, перед нами целая коллекция всевозможных противоречий».

По **мнению** Савенко, эксперты посредством подмены диагноза и других «натяжек и обманов» (так, например, ни из чего не следует их вывод о том, что Косенко «представляет опасность для себя и окружающих», равно как и приписывание ему агрессии) ввели суд в заблуждение. (О выявленных Савенко откровенных профессиональных ошибках вроде путаницы с названиями препаратов можно даже не упоминать.) Однако именно заключение экспертов стало основанием для того, чтобы следствие, а за ним и сторона обвинения потребовали для Косенко принудительного психиатрического лечения, в связи с чем его дело и рассматривалось отдельно от остальных. Проведения повторной судебно-психиатрической экспертизы защите Косенко добиться так и не удалось.

Косенко **инкриминировалось** фактически то же, что и Лузянину: на Болотной площади они оказались рядом, и им обоим, помимо участия в якобы имевших место массовых беспорядках, приписывали насильственные действия в отношении одного и того же сотрудника ОМОНа Александра Казьмина. По версии следствия, Косенко нанес Казьмину один удар рукой и один удар ногой. В деле имеются два доказательства вины Косенко — это видеозапись, где он просто стоит рядом с людьми, которые толкаются с полицией, и свидетельское показание одного из сотрудников ОМОНа, который якобы видел, как Косенко ударил Казьмина. Свою вину Косенко не признал. При этом, уже когда дело Косенко рассматривалось в суде, обвинение в применении насилия было перевалифицировано с части 1 статьи 318 на часть 2 — то есть с насилия, не опасного для жизни или здоровья, на опасное. Таким образом Косенко оказался единственным из всех обвиняемых по «Болотному делу», которому инкриминируют применение насилия, опасного

для жизни или здоровья — при том, что в заключении судмедэксперта говорится, что здоровью Казьмина был нанесен легкий вред. Косенко был также предъявлен иск о нанесении ущерба имуществу Москвы, как-то: асфальтовое покрытие, туалетные кабинки и т. д. (в деле при этом не упомянута причастность Косенко к нанесению одного ущерба), однако позднее он был отозван.

По подозрению в участии в массовых беспорядках Косенко был взят под стражу 8 июня 2012 года. Суд отклонил его ходатайство о заключении под домашний арест — Косенко объяснял, что часто плохо себя чувствует. В ходе следствия Косенко содержался в СИЗО № 4, известном как «Медведь», позднее он был переведен в психиатрическое отделение «Бутырки». Басманный суд неоднократно продлевал срок содержания Косенко под стражей, соглашаясь с доводами следствия о том, что, находясь на свободе, тот может уничтожить доказательства преступления, скрыться или давить на свидетелей, и игнорируя любые доводы защиты и поручительства правозащитников. При этом в СИЗО «Медведь» Косенко поначалу не передавали лекарства, прописанные врачом, местный врач его не осматривал, психиатр приходил лишь однажды. Адвокат Владимир Ржанов подал ряд жалоб на нарушение прав подзащитного, после чего Косенко разрешили передать лекарства, и врач его тоже посетил. Находясь в «Бутырке», Косенко жаловался на антисанитарные условия.

Здесь следует подчеркнуть, что авторам вышеупомянутого судебно-психиатрического экспертного заключения следователь задал прямой вопрос: «Если К[осенко] страдал и страдает психическим заболеванием, слабоумием или иным болезненным состоянием психики, отражается ли на его состоянии содержание под стражей в условиях камеры следственного изолятора, имеется ли угроза обострения заболевания или иная угроза его здоровью?», — на который был дан уклончивый ответ: мол,

этот вопрос «не входит в компетенцию судебно-психиатрических экспертов». **Процитируем** Юрия Савенко: «То, что содержание такого больного в СИЗО, в условиях изоляции от внешнего мира и привычной для него среды обитания, проведения следственных действий и ощущения предстоящей угрозы его жизни и здоровью, существенно ухудшит его психическое состояние, является несомненным и уже подтверждено конкретными фактами. Эксперты сами пишут, что подэкспертный почувствовал ухудшение своего психического состояния и начал заниматься аутотренингом, чтобы „не впасть в безумие“. Уклонение экспертов от ответа на этот вопрос характеризует их самих и бросает очередную тень на учреждение, которое воспитывает таких экспертов». (Можно добавить, что одному из авторов экспертизы, Софье Осколковой, уже изрядно доставалось от возглавляемой Савенко Независимой психиатрической ассоциации за написанную в соавторстве книгу «Медико-социальные последствия деструктивной деятельности тоталитарных сект».) Эксперты Центра имени Сербского сняли с себя ответственность за последствия пребывания Косенко в СИЗО, фактически благословив следствие и суд на то, чтобы не выпускать его на свободу.

Непосредственно судебное разбирательство по делу Косенко шло одиннадцать месяцев, с ноября 2012 года. Причем довольно неторопливо — иногда по одному заседанию в месяц, а то и в несколько месяцев. Представители обвинения читали результаты медицинских освидетельствований полицейских: в заключениях говорилось, что достоверные выводы о причине и времени получения травм сделать нельзя, тем не менее, делался вывод, что «травмы были получены при исполнении служебных обязанностей 6 мая». При этом оставалось неясным, при чем здесь Косенко. Свидетели обвинения долгое время не являлись на заседания. Наконец, в конце июля 2013 года появились омовцы

Сергей Лукьянов и Максим Санаев, которые были допрошены фактически **за закрытыми дверями**, причем специального официального решения по этому поводу принято не было: судья Людмила Москаленко просто распорядилась закрыть двери после того, как в зал вошли адвокаты и родственники. При этом Санаев избиения Казьмина вообще не видел, а Лукьянов, который сначала неуверенно подтвердил, будто видел, как Косенко бьет Казьмина, затем, отвечая на вопросы защиты, сказал, что видел, как подсудимый «совершал движения руками в сторону Казьмина», но добавил, что точно знает, что тот его бил.

Одним из потерпевших в деле Косенко числился участник шествия 6 мая Валентин Яструбинецкий, рядом с которым разбилась бутылка с зажигательной смесью.

Причастность Косенко к этому событию вообще не обсуждалась, а Яструбинецкий в суд так и не явился, его показания, записанные следователем, были оглашены в суде. Что же до потерпевшего Александра Казьмина, то он на суде **не подтвердил**, что удары ему наносил именно Косенко. Позднее еще один свидетель обвинения, омоновец Роман Пузиков, **сообщил** суду, что подсудимого опознать не может, а как бьют Казьмина, не видел.

Последним аккордом в представлении доказательств обвинения стала демонстрация видео, но таким образом, что его не видели не только зрители в зале, но даже судья.

Видеодоказательства стороны защиты судья сначала **отказалась** приобщать к делу, однако на следующем заседании неожиданно **согласилась**. Видео, а также свидетели защиты — сопредседатель московского общества «Мемориал» Ян Рачинский, журналист Александр Подрабинек и член совета Правозащитного центра «Мемориал» Олег Орлов — показывали, что Косенко во время драки с омоновцем просто стоял, причем в некотором отдалении от драки, и участия в ней не принимал.

Большую часть всего этого времени судья не разрешала Косенко свидания. Кроме того, в «Бутырку» не проходили письма, и сестра и представитель обвиняемого Ксения Косенко даже не могла сообщить ему о тяжелой болезни матери. Она умерла 5 сентября — сын узнал об этом из эфира «Рен-ТВ». На похороны судья его **не отпустила**, сославшись на отсутствие подобной практики в отношении содержащихся в СИЗО, а также на то, что он социально опасен. Фонд «Общественный вердикт», обеспечивавший защиту Косенко, выступил с **заявлением**, в котором, в частности, было отмечено, что Косенко «долгое время содержался вместе с другими заключенными в обычной камере, уже будучи признанным экспертами Института им. Сербского социально опасным. При этом никаких конфликтов или фактов агрессии, подтверждающих социальную опасность Косенко, за весь период нахождения в обычной камере не было зафиксировано», а безопасность на похоронах, если уж ее так необходимо было поддерживать, можно было бы обеспечить за счет конвоя.

2 октября состоялись прения, на которых обвинение повторило все уже звучавшие доводы: Косенко «поддался противоправным призывам», приняв участие в массовых беспорядках и в избиении Казьмина. Показания свидетелей защиты прокурор в некоторых случаях счел недостоверными, в других предложил суду трактовать критически, равно как и фото- и видеодоказательства, представленные защитой. И уже тот факт, что Казьмин и свидетели защиты опознали Косенко, по мнению обвинителя, является достаточным доказательством его вины.

Днем позже Amnesty International **признала** Косенко узником совести, поскольку, по данным организации, он «не был вовлечен в насильственные или какие-либо иные незаконные действия во время массовых протестов в Москве 6 мая 2012 года, но тем не менее предстал перед

судом» и «больше года находится под стражей за мирное осуществление своего права на свободу слова и собраний» (ранее Косенко, как и всех остальных арестованных участников акции на Болотной, признали политзаключенным **Правозащитный центр «Мемориал»** и **Союз солидарности с политзаключенными**). Суд оказался к этому глух: 8 октября, в некоторых пунктах дословно воспроизведя текст обвинительного заключения, признал Косенко виновным в участии в массовых беспорядках и в применении насилия, опасного для жизни и здоровья представителя власти, и постановил направить его на принудительное психиатрическое лечение в стационар (это решение Amnesty International уже **осудила**).

Объединенная группа общественного наблюдения (ОГОН) еще до вынесения приговора Косенко **представила** собственную оценку того, насколько в рамках этого дела соблюдалось право обвиняемого на справедливый суд. Среди прочего, зафиксировано регулярное снятие вопросов защиты к свидетелям, содержание обвиняемого в клетке, что «создает предубеждение в виновности подсудимого, может рассматриваться как унижающее человеческое достоинство обращение», вмешательство конвоиров в процесс передачи документов от подсудимого защите и обратно, отказ в удовлетворении ходатайства о присутствии на похоронах матери, что трактуется как нарушение права на семейную жизнь.

Это не первый приговор, в котором утверждается, что на Болотной площади 6 мая 2012 года были массовые беспорядки (против этого положения категорически выступает защита всех сегодняшних обвиняемых, поскольку не было отмечено ни погромов, поджогов, ни использования оружия, чем обычно характеризуются массовые беспорядки, если понимать этот термин в строгом юридическом смысле) — в участии в них признан виновным Максим Лузянин, в их организации —

Константин Лебедев. Однако в этом приговоре мы видим и неприкрытое свидетельство обвинительного уклона в рассмотрении «Болотного дела», и демонстративное обращение к пресловутой карательной психиатрии, которая в последнее время все чаще **применяется** в отношении оппонентов действующей власти. О политическом использовании психиатрии говорится и в упоминавшемся выше заявлении Юрия Савенко.

Предполагается, что проходить лечение Косенко будет в психиатрической больнице № 5 в поселке Троицкое-Антропово возле железнодорожной станции «Столбовая». В 1968 году в этой больнице в течение месяца **находился** один из первых советских правозащитников Александр Есенин-Вольпин (это была первая громкая насильственная госпитализация по политическим мотивам — впрочем, совершенная без назначения суда и после нескольких госпитализаций в течение почти десяти лет). Юрий Савенко, впрочем, выразил уверенность в том, что психиатры, работающие в этой больнице, отличаются от тех, кто составлял экспертное заключение о состоянии Косенко. Он напомнил также, что через полгода после помещения человека на принудительное лечение его осматривает комиссия. Но решение о прекращении принудительного лечения все равно может принять только суд. С другой стороны, адвокат Дмитрий Динзе **рассказывает**, что «людей, которым назначается принудительная мера медицинского характера, держат... минимум три года» (он же развеивает сомнения насчет того, возможен ли доступ к содержащимся там людям: «Я сколько ни ходил к своим клиентам, меня всегда пускали, никаких противопоказаний не было»). Адвокат Ирина Хрунова добавляет, что, как правило, «тихих», то есть непроблемных пациентов в стационарах «держат как можно дольше». Наконец, адвокат Косенко Дмитрий Айвазян **отмечает**, что даже если обвиняемым

по «Болотному делу» будет объявлена амнистия, о возможности которой заговорили после заявления Путина на заседании международного клуба «Валдай», то его подзащитного как человека, признанного невменяемым и отправленного на принудительное лечение, она не коснется.